

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 107. «Глубинами чёрных зеркал насладись»

Выпуск № 380

Осип Мандельштам

Когда в тёплой ночи замирает
Лихорадочный Форум Москвы
И театров широкие зевы
Возвращают толпу площадям, –

Протекает по улицам пышным
Оживленье ночных похорон;
Льются мрачно-весёлые толпы
Из каких-то божественных недр.

Это солнце ночное хоронит
Возбуждённая играми чернь,
Возвращаясь с полночного пира
Под глухие удары копыт,

И как новый встаёт Геркуланум
Спящий город в сияньи луны,
И убогого рынка лачуги,
И могучий дорический ствол!

1918

Даниил Андреев

Госпоже города

(из цикла «Московские предвечерия»)

Станут к вечеру алы
Купола и уступы
Городских Гималаев
В средоточье твоём;

Еле дышат каналы,
Чуть колышутся купы,
И от веянья вайй
Свеж любой водоём.

Вот, блаженного плена
Страсть и боль обещаая,
Луна – Квилла – Селена –
Сайн – Геката – Танит –
Поднимаясь на пики
Тёмно-синего рая,
Этот город столичный
Твоим зовом томит.

Здесь белеют в тумане
Торсы мраморных статуй,
Здесь, как ландыши, манят
В глубь аллея фонари,
Здесь по шепчущим паркам
Твой незримый глашатай
В крови терпкой и жаркой
Будет петь до зари.

И в сиреневых далях
Цепь двойных канделябров
По ночным магистралям
Устремится к тебе, –
Страсть горячих и юных,
Доблесть гордых и храбрых
Чарам жертвуя лунным
И твоей ворожке.

На опал небосклона
Чёрный контур вокзалы
Из гранитного лона
Вознесут с трёх сторон;
Фиолетовых аур
У окраин опахала
Оторочат, как траур,
Твой невидимый трон.

И в колдующий вечер
Древним вкрадчивым ядом
Все объятья и встречи
Пронизав до конца,

Будешь ты до погони
Править царственным градом,
Как богиня – в короне,
Как туман – без лица.

1950

Выпуск № 1382

Бахыт Кенжеев

Так горек голос твой, тихоня, проводник
то света грешного, то ненависти нежной,
то проповедует, что не для нас одних
страсть обезвожена и старость неизбежна.

Тебе, единственной, шепчу, забывши стыд:
не прогоняй меня, прости меня, сестрица,
ты видишь – радуга над городом висит,
за сердце держится, грядущего боится.

Не от её ль дуги ещё Орфей сходил
в насмешливый Аид, на жалкий поединок?
И семь её цветов сливаются в один,
и ослепляют взгляд, горя в весенних льдинах.

Осип Мандельштам

«Из табора улицы тёмной...»

Я буду метаться по табору улицы тёмной
За веткой черёмухи в чёрной рессорной карете,
За капором снега, за вечным за мельничным шумом...

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью – нет, с муравьиной кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой;
И то, что я знаю о яблочной розовой коже...

Но всё же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетёнку рогожи глядели колючие звёзды,
И били вразрядку копыта по клавишам мёрзлым.

И только и свету – что в звёздной колючей неправде,
А жизнь проплывёт театрального капора пеной,
И некому молвить: «из табора улицы тёмной...»

1925

Александр Блок

И я провёл безумный год
У шлейфа чёрного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели тёмные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовёт печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в тёмный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую чёрный волос,
И в сердце льётся тёмный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые – и вот
Она встаёт. Она уйдёт.

Она завязывает туго
Свой чёрный шёлковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намёк,
Идёт... Её движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом – опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдёт, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном – гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползёт из света в свету,
И вьётся шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далёким озарён пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, –

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъём наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца – чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, –
И звонкий утренний трезвон:

Толплятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь – буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, –
И долгие часы над нами
Она звенит и бьёт крылами...

И снова вечер...

1907

Выпуск № 1122

Максимилиан Волошин

Не успокоена в покое,
Ты вся ночная в нимбе дня...
В тебе есть тёмное и злое,
Как в древнем пламени огня.

Твои негибкие уборы,
Твоих запястий бирюза,
И строгих девушек Гоморры
Любовь познавшие глаза,

Глухой и травный запах мирры –
В свой душный замыкают круг...
И емлют пальцы тонких рук
Клинок невидимой секиры.

Тебя коснуться и вдохнуть...
Узнать по запаху ладоней,
Что смуглая натёрта грудь
Тоскою древних благовоний.

1916

Александр Блок

Крыльцо Её словно паперть.
Вхожу – и стихает гроза.
На столе – узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Её – нежный румянец,
Тишина озарённых теней.
В душе – кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя – мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

1903

Наталья Крандиевская

Яблоко, надкушенное Евой,
Брошенное на лужайке рая,
У корней покинутого древа
Долго пролежало, загнивая.

Звери, убоявшись Божья гнева,
Страшный плод не трогали, не ели,
Не клевали птицы и не пели
Возле кущ, где соблазнулась Ева.

И Творец обиженный покинул
Сад цветущий молодого рая
И пески горячие раскинул
Вкруг него от края и до края.

Опустился зной старозаветный
И спалил цветы, деревья, кущи,
Но оставил плод едва заметный,
Яблоко, что проклял Всемогущий.

И пески тогда его накрыли...

1958

Выпуск № 798

Александр Блок

На страже

(из цикла «Снежная маска»)

Я – непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он – простёрт над бездной водной
С подъятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет тёмная комета
В пучины новых тёмных встреч.

1907

Максимилиан Волошин

Кровь

*(посвящение на книге
Вяч. Иванова "Эрос")*

В моей крови – слепой Двойник.
Он редко кажет дымный лик, –
Тревожный, вещий, сокровенный.
Приникнул ухом... Где ты, Пленный?
И мысль рванулась... и молчит.
Стучит – бежит... Стучит – бежит...
Слепой огонь во мне струит.
Огонь древней, чем пламя звезд,
В ней память тёмных, старых мест.
В ней пламень чёрный, пламень древний,
В ней тьма горит, в ней света нет,
Она властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.
Слепой Двойник! Мой Пращур пленный!
Властитель мне невнятных грёз!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душевные принёс?
Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаниям алых жал
Меня – Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?

1907

Даниил Андреев

Первая вестница

Когда, в борьбе изнемогая,
Взметает дух всю мощь на плоть,
Миг раздвоенья ждёт другая –
Вползти, ужалить, побороть.

Она следит за каждым шагом;
Она скользит сквозь каждый сон;

То вспыхивает буйным флагом,
То облечёт себя в виссон,

То девушкою у колодца
Прикинется на беглый миг,
То сказкой лунной обернётся,
Одна – во всём, всему – двойник.

В раденьях, незнакомых прежде,
Испепеляющих дотла,
Она в монашеской одежде
Хлыстовской бледностью светла.

В ночь игр, упорства и азарта
Едва удержишь лёгкий крик,
Когда внезапно ляжет карта
Спокойно-бледной дамой пик.

Фонарь у мокрых скамей сквера
Её усмешки знает власть,
И то, что смысл, надежда, вера –
В одном коротком слове: пасть.

И будешь, медленно стгорая,
Молить, чтоб уличная мгла –
Слепая, мутная, сырая,
Угль истязанья залила.

1950

[Выпуск № 1264](#)

[Александр Блок](#)

Второе крещение

(из цикла «Снежная маска»)

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещён вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идёт путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лёд.
Ты мне сулишь ещё мгновенья?
Пророчишь, что весна придёт?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть.

1907

Даниил Андреев

Её голос

(из цикла «Похмелье»)

– Не пробуй разъять изошрённую мыслью
Мой двойственный образ: в нём солнце и тьма.
Своих отражений сама не исчислю.
Покорных созвездий не помню сама.

Дремала я встарь на высотах нетленных,
Над волнами бурных и плавных времён,
Где струнные хоры летящих вселенных
Баюкали мой упоительный сон.

Но вот зазвенел, как молящая лира,
Из пропасти смутной мерца вдали,
Мне голос таинственный вашего мира,
Призыв славословящий вашей земли.

И я отстранила мечи Ориона,
Сверкавшие стражами в мой эмпирей,
Я бурей сошла от небесного трона
Для славы другой – и других алтарей.

Приди же. Я здесь... Не мирское познание –
Премудрость геенны вручу тебе я
В блаженном покое на дне мироздания,
Глубоко под распрями волн бытия.

Я – та же для всех, кто последней победой
Убийством души погасил свою высь...
Приди же! Я здесь! Мой напиток изведай,
Глубинами чёрных зеркал насладись.

1932-1951

Николай Гумилёв

За гробом

Под землёй есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грёзы Люцифера,
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрёшь бесславно иль со славой,
Но придёт и властно глянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесёт тебя по коридорам,
Понесёт от башни и до башни.
Со стеклянным, выпученным взором,
Ты поймёшь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.

Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это всё. И это будет вечно.

1907

Выпуск № 1281

Николай Гумилёв

Ужас

Я долго шёл по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущён
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошёл, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришёл сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

1907

Александр Блок

из цикла «Чёрная кровь»

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда – ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста – нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовёшь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! – Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай – бездонной скуки ад.

1912

Даниил Андреев

Кароссе Дингре

Прозреньем безжалостным я разъял
Кромешную суть твою,
И всё же мой горький, горький фиал
К ногам твоим лью и лью.

Не совместимо в людском естестве
То, что слилось в тебе,
В твоём завораживающем колдовстве,
В неуголимой алчбе.

Матерь бесчисленных мириад,
Плоть начальных племён,
Творивших царство века назад –
Тебе цитадель и трон;

И – отдающая свой порыв
Любому – без слов, без дум,
Каждому исполину открыв
Свой пламень, разгул, самум.

Ты – поприще, на котором, гремя,
Гиганты вступили в бой, –
Ты, раздираемая двумя,
Из коих могуч – любой.

Ты – первое из покрывал на пути
К противозначным мирам,
Куда мой дух взманила брести
Мать Мрака по вечерам.

Преграда отброшена – и в глубине
Чуть слышится, как перезвон,
Хрустальный голос, поющий мне
Из цитадели времён.

1950

Выпуск № 477

Даниил Андреев

Уличные волшебники (из цикла «Вехи спуска»)

Сияла ровным светом газовая
Цепь фонарей в ночной тиши,
Неотвратимый путь указывая,
Поцеловав глаза души.

Ресницы вкрадчиво поглаживая,
Лаская лоб, как вещей друг,
Она сияла, завораживая,
В щемящий мир, в звенящий круг.

Опровергая будни – призраками,
Она воочию вела
В тот край, который только изредка мы
Днём вспоминаем сквозь дела.

И, странной сказкой раскаляемая,
Росла и пенилась в крови
Тоска, ничем не утоляемая,
О смерти, страсти, – о любви.

1950

Николай Гумилёв

Дон Жуан

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

1910

Александр Блок

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времён...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо

Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он – был. Но он – не нужен.
Кто обессилил руку мне? –
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас –
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? – Их не было. – Что ж было? –
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На чёрном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчётливо, издалека
Раздался голос: *Esse homo!*
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шёлком душным
(Чтоб кровь не шла из чёрных жил),
Я был весёлым и послушным,
Обезоруженный – служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обagri снега!

1910

Выпуск № 613

Арсений Тарковский

Ночная бабочка

«Мёртвая голова»

Ходит Пиковая Дама,
Палец с головой Адама,
Вверх и вниз под потолком,
Стёкол кожу неживую,
Будто рану ножевую,
Метит белым сквозняком.

Треплет свечку, морщит пламя
Знамя ночи вкось углами,
Соглядайте, часовой,
Жироватый, суховатый...
– Чур, щеки не припечатай,
Чур, не трогать, я живой!

Ночью все мы – на чужбине
Под воронкой чёрно-синей,
В царстве чуждых душ и тел.
Днем – в родительском гнездовье
Душным потом, красной кровью
Ограничим свой предел.

1966

Даниил Андреев

На балконе

(из цикла «Московские предвечерия»)

Островерхим очерком вдали –
Кремль
синий,
А внизу – клокочущая хлябь,
Поток:
Пятна перемешивая, смыв
рябь
линий,

Улица, как Волга, бурлит
У ног.

Ветром овеваемы, теплом.

дней
полны,
Высотой качаемы, смеясь,
Поём,
Чтоб с закатов розовых неслись
к нам
волны,

Нежа нас над городом – одних,
Вдвоём.

Зрелища и гульбища уже
чуть
алы,
Пенясь, точно свадебным вином
Ковши...
Ах, дитя беспечное! Когда б
ты
знала

Яд возревновавшей об одном
Души!

Имя повелительницы всех
снов
духа

Я не прошепчу тебе ни здесь,
Вверху,
Ни – в полночных комнатах, где плач
твой
глухо

Канул бы, как ветер среди хвой,
Во мху.

Только предвечерием ты кинь
взгляд
чуткий

На лицо любимое, когда
С террас
Вижу, как над городом бурлит
яд
в кубке:

Дымка над громадами труда,

Зыбь трасс;
Иль, когда средь ночи, меж глухих
штор
спальной,
Фонари бесчисленные – там,
На дне,
Чертят, как узоры на шелках
МГЛЫ
дальной,
Имя, приоткрытое судьбой
Лишь
мне.

1950

Выпуск № 876

Александр Блок

из цикла «Снежная маска»

На зов метелей

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым,
Умирали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обречённые оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

1907

Тревога

Сердце, слышишь
Лёгкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, –
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайнными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!
Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть чёрных звезд!

1907

Николай Гумилёв

На пиру

Влюблённый принц Диего задремал,
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И расстегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
А на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно
Ему с его невестой суждено.

Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество.
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,

Целует похотливого пажа.

1908

Выпуск № 1023

Александр Блок

Прочь!

(из цикла «Снежная маска»)

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лёд.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы – целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

– Кто вы? Кто вы?
Рая дочери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей её крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!

Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — моё открыло сердце
Снежный мрак её очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Чёрных дней.

И струит моё веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

1907

Николай Гумилёв

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в лёгком звоне,
Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зоны сладострастья,
И спешили поздние зарницы,
Но недаром звякнули запястья
На руках бледнеющей царицы.

И недаром взоры заблистали:
Раб делил с ней счастье этой ночи,
Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

1908

Выпуск № 716

Александр Блок

Настигнутый метелью
(из цикла «Снежная маска»)

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полёт...
Как быстро – так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней другая...
И звезда за звездой
 Понеслась,
 Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули тёмные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной –
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредёт за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет – заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

1907

Даниил Андреев

Со свечой

Летопись сердца у желтой свечи
Долго читаю в тиши,
В грани стиха собираю лучи
Перегоревшей души.

Но наползает, как тень, на кристалл
Мрак недосказанных лет:
Вьюга – клинок – непроглядный квартал
Поздний, свинцовый рассвет...

Да: Весовщик нелюдим и суров,
Плата за кровь – дорога:
Нож мой, отточен с обоих концов,
Ранит меня, как врага.

Будь навсегда моим Городом скрыт,
Перечень зол роковых!
Только наполнит непонятый стыд
Этот тоскующий стих.

В летопись сердца страницу ещё
Чётким пером запиши:
Пеплом позора оплаченный счёт
Опустошённой души.

1933

Выпуск № 447

Александр Блок

Ночь

Маг, простёрт над миром брений,
В млечной ленте – голова.
Знаки поздних поколений –
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезёю млечной,
Осиянная – плывёт.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном чёрном одеянии,
В сонме чёрных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии –
Ночь плывёт путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий – половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

1904

Даниил Андреев

Холод пространств (из цикла «Вехи спуска»)

Есть в гулких ветрах ледохода,
Чей рог я в ночах сторожу,

Угроза, разгул и свобода,
И властный призыв к мятежу.

С крошечных окраин вселенной
Вторгаются в город они,
Взметая прибой снеговой,
К земле пригибая огни.

Насыщены удалью буйной,
Охвачены гордой тоской
Все призраки над полноструйной,
Над дикой, над страстной рекой.

Сверкают зенитные звёзды
Как яхонты небытия –
К сердцам сквозь бушующий воздух
Направленные острия.

И грезится древнему сердцу
Галактик безбрежная даль,
Бескрайний чертог Миродержца,
Безумного бунта печаль.

Что разум, и воля, и вера,
Когда нас подхватят в ночи
От сломанных крыл Люцифера
Спирали, потоки, смерчи?

1927-1950

Николай Гумилёв

Выбор

Созидающий башню сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянёт.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасёшься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

1906